

А. И. УТКИН

Неизвестный Черчилль.

«Я легко довольствуюсь самым лучшим»

<Фрагмент>

На выборах в 1900 года даже рупор либералов «Манчестер гардиан» подала Черчилля как «мужественного, увлекающего аудиторию и замечательно способного молодого человека».

Когда Черчилль был избран осенью 1900 года в палату общин от консервативной партии, его отца, лорда Рендольфа Черчилля, помнили еще многие. Пожалуй, самая яркая унаследованная от отца черта — своего рода бесшабашность, почти авантюризм, страсть к высшему напряжению, энергичная игра с фортуной. Оба, и отец и сын, обладали предприимчивостью и мужеством. У них было не так уж много другого капитала, и обоим, как «солдатам фортуны», приходилось идти в этой жизни на риск. Уинстон Черчилль имел все основания присоединиться к словам еще одного авантюрно настроенного деятеля английской истории — Дизраэля. «Как тогда когда я был молод и боролся против всех враждебных обстоятельств, так и сейчас, когда я преуспел, они — присвоили мне ярлык авантюриста». И не без основания.

Личный врач Черчиллей, доктор Руз, так описал карьеру депутата: «Многие входят в парламентскую жизнь, влекомые идеей исполнить важную миссию; проходит сессия за сессией, и они никак не приближаются к своей цели. Между тем нужно слушать, вечер за вечером, непрерывный поток речей, большая часть которых не влечет за собой никакого практического результата... Существуют и другие причины для разочарования и отворачивания. Среди депутатов разливается беспокойство. Многие спрашивают себя, стоит ли игра свеч, не следует ли покончить

со скукой и выйти на более спокойные дороги жизни, не ведут ли эти дороги ближе к счастью, чем непрерывный вихрь возбуждения и беспокойства».

Черчилль не принадлежал к таким сомневающимся. «Вы знаете, что я безгранично верю в себя», — писал он своей родственнице. Он никогда не пытался скрыть своих амбиций. «Амбиции так же возбуждают воображение, как и воображение — амбиции». С его точки зрения, такая «открытость карт» неизбежно должна показаться окружающим привлекательной. Но не у всех «открытый стиль» молодого Черчилля вызвал симпатию. Дж. Чармли напоминает, что «амбиция была (и поныне) осуждаема на британской политической схеме; на неприкрытую амбицию смотрят как на растение, которое подлежит культивации». Как пишет английский историк Ролс Джеймс, «ошибочно полагать, что в Англии на Юность и амбицию смотрят с одобрением. В действительности не Юность считается достойной сожаления интерлюдией к достижению зрелого терпения и скромности; к Амбиции же относятся терпимо только в том случае, если ее тщательно скрывают. У молодого Черчилля были оба эти качества. Он был решим эгоцентричным, полностью поглощенным своей политической карьерой». Сам Черчилль говорил, что «с самого начала него целью было личное отличие». Более других участвовавший в начальной фазе карьеры Черчилля Г. Аксвит пишет: «Он никогда не находится в естественном контакте с тем, с кем говорит в данный момент, потому что он гораздо более интересуется собой и своими заботами, чем бы то ни было, что может дать ему собеседник».

В общем и целом отсутствие оксфордского образования (полагала Виолетт Аксвит) явилось благоприятным для Черчилля обстоятельством. «Для Уинстона Черчилля все под солнцем было новым — словно в первый день творения. Его обращение к жизни было полно азарта и удивления. Даже вечные истины представлялись ему волнующими личными открытиями». Он не стеснялся говорить искренне о том, что другим казалось бесспорным трюизмом.

Черчилль обратился к широкому полотну — «Истории англоговорящих народов». Он буквально упивался сценами борьбы маленького острова против всех стихий и бурь. Именно к этим месяцам относится: «Писать большую и обстоятельную книгу — словно иметь друга и компаньона, к которому ты всегда

можешь обратиться за утешением и успокоением, чье общество все более привлекательно». Он пишет издателю: «Я работаю очень упорно и ложусь обычно в час или два ночи». Возможно, это был единственный способ спастись от убийственного ожидания. Как полагает У. Манчестер, «гордость и внутренняя устремленность были тем встроенным в него гироскопом, который никогда не подводил и вел его вперед... приглашенные им иностранцы прибывали в Лондон, садились на вокзале Виктория в поезд, идущий в Окстел, и вскоре их встречал Уинстон. Польщенные, они садились в его автомобиль, не зная, что вручают свои жизни водителю Британской империи».

А вечером, дописывая очередной эпизод, он погружался в прошлые века. В его истории всегда были правые и виноватые, белые и черные, он не признавал морального бессилия. Приехавшему У. Липпману Черчилль обрисовал свой план победы в текущей ситуации: «Ограничить потери на Дальнем Востоке; исключить распыление флота; договориться с Японией. Центральную Европу следует мобилизовать как единое целое, подобно тому, что было в 1914 году. Тогда Германия имела десять мобилизованных в Чехии и Словакии дивизий. Теперь она держит здесь шесть дивизий в качестве оккупационных войск. Венгрия, Югославия и Румыния опасны и ненадежны. Польша — новая сила, а позади нее Россия. Нечего и говорить, что Германия не окружена. Единственный действенный аргумент — сила. Незачем кроить политику по меркам Геббельса. Нужно следовать своей линии. В случае германской мобилизации мобилизовать флот, в случае первых же провокационных действий перерезать германские железнодорожные коммуникации в Европе и бросить им вызов».

